

Холодная и грубая поверхность под телом заставила Ли Тина дрожать. Он пытался закричать, но ничего не мог сделать, чтобы остановить действия Жэнь Пиншэна.

Ли Тин прикусил губу, решив не издавать ни звука.

Раньше, когда Жэнь Пиншэн целовал его, Ли Тин уже заметил: у Жэнь Пиншэна сейчас глаза, светящиеся синим.

Это были не глаза Жэнь Пиншэна. С ним что-то было не так.

— Мм...

Ли Тин не успел и подумать, как почувствовал, что пальцы Жэнь Пиншэна добрались до узкой щели между ягодицами. На кончиках не было ногтей, но внезапное вторжение все же заставило Ли Тина вырваться болезненный вскрик.

— Жэнь... Жэнь Пиншэн...

Ли Тину пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы прийти в себя, и он тихо позвал имя Жэнь Пиншэна.

Однако Жэнь Пиншэн ничего не слышал. Как только его палец проник внутрь тела любимого, плотное сжатие заставило его потерять голову. Он с силой продвинул палец глубже, заставляя человека под собой напрячься всем телом.

Жэнь Пиншэн снова согнул палец и, пользуясь тем, что Ли Тин содрогнулся в спазме, ввел второй палец.

Два пальца крутились внутри Ли Тина, растягивая узкий проход, сгибаясь и скребя, пока нежная плоть, не выдерживая ярости стимуляции, не покраснела, став багровой.

Жэнь Пиншэн не выдержал такого зрелища, особенно когда длинные ноги Ли Тина так бесцеремонно раскинулись на грубом стволе — этот контраст уничтожил его последние остатки рассудка.

Вытащив пальцы, Жэнь Пиншэн расстегнул ширинку, высвободил член и с силой прижал его к входу Ли Тина.

Почувствовав липкую жидкость, выделяющуюся из головки, и неестественный жар, Ли Тин сжался, пытаясь отодвинуться вперед.

Увы, толстый ствол в тропическом лесу не сравнить с мягкой кроватью. Стоило ему пошевелиться, как грубая кора раздражала самое чувствительное место, и боль смешивалась с стимуляцией. Ли Тин не удержался и застонал.

Поясницу крепко прижал к себе Жэнь Пиншэн, и сила его рук пугала Ли Тина.

Ноющая боль в боку заставила его просить пощады:

— Больно...

Но Жэнь Пиншэн просто рывком вернул тело Ли Тина на место, и, не забываясь о том, выдержит ли тот, двинул бедрами, яростно вонзив свой член внутрь.

— А-а... мм...

Ли Тин только выкрикнул и тут же отвернулся, вцепившись зубами в собственную руку. Рвущая боль накатывала от входа волнами, перед глазами то темнело, то белело, и горячая жидкость потекла вниз.

Он знал: это кровь.

Мужское тело не создано для такого, и без должной подготовки, да еще в таком неистовом состоянии Жэнь Пиншэна, Ли Тину стало трудно дышать.

Но кровь, вытекающая из места их соединения и стекая по длинным ногам Ли Тина, такая же, как кровь девственницы, разожгла Жэнь Пиншэна еще сильнее, заставив член набухнуть.

Ли Тин закрыл глаза и тяжело дышал. Боль была пронзительной. Он неуклюже извивался, пытаясь сбежать от этой пытки.

Но стоило ему пошевелиться, как Жэнь Пиншэн начал двигаться.

Жэнь Пиншэн был полностью во власти похоти. Одной рукой он вжимал Ли Тина в ствол, другой поднял его бедра, сблизив их тела до предела.

От резкой боли Ли Тин быстро обмяк, беспомощно вцепившись в кору, словно лодка в шторме.

Ни пояса ничего не чувствовалось: после боли пришло онемение, а за ним — сильное удовольствие. Волны удовольствия захлестывали его, и он не мог сдержать стонов.

Низ тела то касался грубой коры, то отрывался от нее. Чувственный член, оставленный без внимания, испытывал недостаток стимуляции, что сводило Ли Тина с ума. Боль и удовольствие, недоступное для разрядки, сосредоточились внизу, и жестко трахаемый вход, казалось, не мог насытиться.

Жэнь Пиншэн — то ли случайно, то ли нарочно — всякий раз, когда Ли Тин был близок к финишу, вытаскивал свой глубоко погруженный член, лишь слегка касаясь краев входа.

Руки Ли Тина были скованы, он не мог помочь себе, и только громкие стоны помогали хоть как-то отвлечься.

Соски на груди терлись о кору. От грубой коры все тело горело, затвердевшие соски раздражались древесиной, причиняя странное распирающее чувство. Ли Тин стонал, лишь молясь, чтобы Жэнь Пиншэн скорее закончил.

После еще одной яростной атаки Ли Тин не успел проглотить слюну, как Жэнь Пиншэн с силой уперся в самую глубину его тела. Внезапный стимул заставил Ли Тина закричать:

— А-а-а-а-а-а!

Сперма брызнула на ствол, взгляд Ли Тина помутился, а по уголку рта потекла слюна.

Жэнь Пиншэн вышел, но вход оставался открытым, словно не мог сомкнуться.

Перед тем как потерять сознание, Ли Тину показалось, что сзади снова что-то горячее и твердое уперлось в корень бедра. Он открыл рот, пытаясь что-то крикнуть, но в итоге полностью провалился в темноту.

Когда именно Ли Тин решил всерьез заняться фитнесом? Наверное, именно с того момента, как в Сфере Пустоты его трахнули до потери сознания.

Когда Ли Тин снова пришел в себя, он обнаружил, что сидит, прислонившись к иве, укрытый черной военной формой Жэнь Пиншэна. Самого Жэнь Пиншэна не было, но уже наступила ночь.

Перед ним расстилался чистый пруд с бирюзовой водой, а высоко в небе сиял яркий полный месяц.

В отличие от искусственной луны Альянса, эта луна, пусть и часть окружения, казалась Ли Тину очень реальной. Ярко-желтая, с легким ореолом.

Ли Тин сжал в руках куртку Жэнь Пиншэна и попытался пошевелиться, но резкая боль в пояснице заставила его охнуть.

Это движение напомнило ему обо всех неудобствах тела: от поясницы до бедер и до того места, которое было так чрезмерно использовано.

Ли Тин почувствовал полную беспомощность. Воспоминания о том, что случилось перед обмороком, заставили его лицо то краснеть, то бледнеть. Оглядевшись, он так и не увидел того, кто внезапно «встал не с той ноги» и устроил ему такой ад.

— Пин... кх-кх, Пиншэн! Жэнь Пиншэн!

Ли Тин приоткрыл рот. Голос был хриплым, но он все же смог выкрикнуть имя.

В ночной тишине его голос звучал странно. Прежде чем Ли Тин успел крикнуть снова, поверхность воды заколебалась, и после всплесков Жэнь Пиншэн, весь мокрый, всплыл со дна.

— Ты... — Жэнь Пиншэн поспешно побежал к Ли Тину, протянув руку, чтобы коснуться его, но вдруг остановился.

Его руки замерли в воздухе, не решаясь приблизиться или отступить.

Ли Тин смотрел на Жэнь Пиншэна: на его лице читались раскаяние и вина, взгляд избегал встречи.

Хотя Ли Тин не знал, что именно заставило Жэнь Пиншэна превратиться в «дикого зверя», он не чувствовал к нему злости. Напротив, видя, как тот боится, он почувствовал жалость.

Поэтому Ли Тин протянул руку, схватил ладони Жэнь Пиншэна и, понизив голос, мягко сказал:

— Пиншэн, я хочу пить.

Жэнь Пиншэн сначала опешил, но услышав это, быстро высушил себя, переоделся в чистую форму и, подняв Ли Тина, принес его к воде, зачерпнул влагу и смочил его потрескавшиеся губы.